

Научная статья
УДК 94(571.6)“193”
<https://doi.org/10.24158/fik.2021.5.11>

Дальневосточный комсомол в период политических репрессий во второй половине 1930-х гг.

Елена Анатольевна Астанина

Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск, Россия, eaa-m@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-9162-4692>

Аннотация. Главным проводником политики советского правительства среди молодежи являлся ВЛКСМ, который наравне с ВКП (б) вырабатывал и реализовывал ее основные направления. Как следствие, цели и задачи внутриполитического курса страны на различных этапах ее развития вносили определенные коррективы в содержание государственной молодежной политики. В статье на основе архивного материала рассматривается положение дальневосточных комсомольских организаций во второй половине 1930-х гг., что представляет собой определенный вклад в изучение проблемы власти и общества на региональном уровне. В условиях политических репрессий комсомолу отводилась роль активного помощника советской власти. В этот период приоритетным направлением в работе комсомола объявлялось повышение классовой бдительности и очищение организации от врагов народа. Широкомасштабная проверка комсомольских организаций привела к массовым исключениям из ВЛКСМ, в том числе и на Дальнем Востоке. Чистка дальневосточного комсомола коснулась как рядовых членов, так и руководства края, сыграв свою роль на завершающем этапе борьбы за власть в конце 1930-х гг.

Ключевые слова: враги народа, Дальний Восток, молодежная политика, комсомольская организация, политическая активность, политические репрессии

Для цитирования: Астанина Е.А. Дальневосточный комсомол в период политических репрессий во второй половине 1930-х гг. // Общество: философия, история, культура. 2021. № 5. С. 82–88. <https://doi.org/10.24158/fik.2021.5.11>

Original article

The Far Eastern Komsomol during the period of political repression in the second half of the 1930s.

Elena A. Astanina

Pacific National University, Khabarovsk, Russia, eaa-m@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-9162-4692>

Abstract. The main vehicle for the Soviet government's youth policy was the All-Union Leninist Young Communist League (Komsomol), which, along with the All-Union Communist Party (Bolsheviks), developed and implemented its major thrusts. As a consequence, the goals and objectives of the country's domestic policies at various stages of its development have made certain adjustments to the content of State youth policy. Based on archival material, the paper examines the situation of the Far Eastern Komsomol organisations in the second half of the 1930s, which represents a definite contribution to the study of the problem of government and society at the regional level. In the context of political repression, the Komsomol was assigned the role of an active assistant to the Soviet authorities. During this period, priority in the work of the Komsomol was declared to increase class vigilance and purify the organization from enemies of the people. A widespread internal investigation of Komsomol organizations led to mass expulsions from the All-Union Leninist Young Communist League ("Komsomol"), including in the Far East. The purge of the Far Eastern Komsomol affected both rank-and-file members and the leadership of the region, playing its part in the final phase of the power struggle of the late 1930s.

Keywords: Enemies of the People, Far East, youth policy, Komsomol organization, political activism, political repression

For citation: Astanina E.A. The Far Eastern Komsomol during the period of political repression in the second half of the 1930s. // Society: Philosophy, History, Culture. 2021. No. 5. P. 82–88. (In Russ.). <https://doi.org/10.24158/fik.2021.5.11>

Проблема взаимоотношений власти и общества в период политических репрессий 1930-х гг., особенно в годы так называемого «большого террора», вызывает особый интерес среди отечественных и зарубежных специалистов еще с 1991 г. Именно тогда были опубликованы работы Н.А. Ивницкого, В.М. Самосудова, О.В. Хлевнюк, Ю.И. Стецовского, Р. Конквеста, Н. Верта [1] и др.,

в которых критически оценивалась репрессивная политика партийной власти, включая деятельность органов госбезопасности, и проводилась мысль о нарастании государственного насилия на протяжении 1920-х – начала 1930-х гг.

Современные исследователи молодежной тематики рассматриваемого периода [2] обращают внимание на региональный аспект этого вопроса. В свете дальнейшей разработки проблемы взаимоотношения власти и общества в Советском государстве история комсомола Дальнего Востока в период массовых политических репрессий 1930-х гг. представляет особое научное значение.

С конца 1920-х гг., в условиях начавшейся коллективизации и борьбы с кулачеством, перед краевыми организациями ЦК ВЛКСМ была поставлена задача по выявлению «антисоветских элементов» в рядах комсомола и вне союза [3]. На протяжении последующего десятилетия она не теряла своей актуальности. Работа XI пленума ЦК ВЛКСМ, прошедшего в июне 1935 г., показала сохранение вопросов классовой бдительности в качестве приоритетных, определив разоблачение врагов народа одной из основных задач работы в среде молодежи. Охрана молодежных коллективов от «проникновения классово-чуждых и враждебных элементов» [4] решением пленума отныне становилась повседневной заботой всех комсомольских организаций страны, в том числе и дальневосточных.

Начавшиеся в крае широкомасштабные проверки партийных и комсомольских структур неслучайно обнаруживали в их рядах «антисоветские» и «классово-чуждые» элементы, борьба с которыми была объявлена лозунгом для каждого сознательного гражданина. Материалы Особого сектора Далькрайкома ВЛКСМ (ДКК ВЛКСМ) содержат примеры случаев «проникновения классово-враждебных влияний в ряды комсомола ДВК», в которых некоторые члены ВЛКСМ выступали в роли «хорошо начитанных троцкистов», «контрреволюционеров», ведущих «антисоветскую пропаганду», за то, что выражали свое отношение к политике, проводимой советской властью [5].

Информационные сводки «О разоблачении контрреволюционных организаций в ДВК» иллюстрируют наиболее яркие дела за 1935 г. Так, в селе Толстовка Тамбовского района Амурской области после обсуждения сельской комсомольской ячейкой материалов суда по делу Зиновьевской контрреволюционной группы комсомолов с 1925 г. Лохвицкий выразил сомнения в величии Сталина, заявив, что «его возвышают, все вожди борются за трон». Расследование показало, что молодой человек является троцкистом, а в селе организована контрреволюционная группа, во главе которой стояли комсомольцы и кандидаты в члены ВКП (б) – Грязнов, Коратаев и Васильев. Группа агитировала бывших красноармейцев, прибывших в край, возвращаться на родину. Когда Васильев сообщил о подобной деятельности, то на него было совершено покушение, что подтвердила проверка органов НКВД. Итогом расследования стало исключение указанных лиц из рядов комсомола [6].

В другом случае в селе Яковлевка комсомолец Шпаков, высказываясь относительно дела о контрреволюционной комсомольской организации, выявленной в средней школе № 2 г. Спасска в ходе обсуждения убийства С.М. Кирова, объяснял настроения комсомольцев школы их заявлением «о том, что убьют Сталина» не контрреволюционностью, а их аполитичностью. После собрания Шпаков скрылся, а по линии НКВД был организован его розыск [7].

Проявление инакомыслия, идущего вразрез с официальной линией партии, подвергающего сомнению политику, проводимую советской властью, встречало жесткий отпор в стране, а его выразители причислялись к «антисоветским элементам» и подвергались репрессиям.

Следующим важным событием в деле борьбы с классовым врагом стал апрельский X съезд ВЛКСМ (1936 г.). Работа по очищению рядов комсомола от «враждебных элементов, двурушников, нарушителей железной дисциплины комсомола, морально разложившихся, шкурников, карьеристов» переходила на еще более высокий уровень, документально закрепляясь уставом комсомола. Созвучными были в этом отношении выступления секретарей ЦК ВЛКСМ А. Косарева, П. Вершкова, Е. Файнберга, Д. Лукьянова. Были высказаны предложения тщательно изучить дела комсомольцев, исключенных из организации, а затем восстановленных, чтобы в последующем не допустить их на руководящие посты [8, с. 61, 63]. Несомненно, это приводило к обострению ситуации и допущению ошибок при вынесении решений об исключении кого-либо из числа лиц, состоявших в комсомоле.

Протоколы апелляционной комиссии ДКК ВЛКСМ по приему и исключению из КСМ за период с июня по декабрь 1936 г. позволяют выявить причины лишения членства в организации и рассмотреть реализацию поставленной пленумом задачи на практике. Среди основных мотивов исключения – связь с врагами, бытовое и моральное разложение, отрыв от комсомольской работы, скрытие социального происхождения, антисоветские или контрреволюционные разговоры. Так, в отдельных случаях было подтверждено исключение комсомольцев в Приморской области

за связь отца с родственниками, высланными с Дальнего Востока и бежавшими за границу; сокрытие кулака; утерю комсомольского билета; утаивание факта наличия осужденного мужа [9]. В Уссурийской области – за отсутствие интереса к комсомольской жизни; связь с отцом, исключенным из партии и высланным за пределы края [10]. В Хабаровской области – за дискредитацию звания члена ВЛКСМ, отсутствие общественной работы, укрывательство контрабандистов и избивание парторга, отрыв от комсомольской работы, нежелание повышать свой политический уровень, самовольный уход с работы, контрреволюционные идеи вроде «Коммунизм без помощи извне не построить», сокрытие отца-кулака [11]. В Камчатской – за утаивание офицерского прошлого отца и проживание матери за границей [12]. В Амурской, Зейской и Нижне-Амурской областях – за потерю классовой бдительности, антисоветские и контрреволюционные разговоры, пьянство, дебош и драки [13].

Большинство решений об исключении из рядов КСМ «антисоветских лиц» объяснялось принадлежностью этих молодых людей к семьям так называемых «классовых врагов» – так это и было в случае обследования комсомольских организаций Зейского района Зейской области «на предмет точного выявления социального происхождения и положения комсомольцев» [14].

Параллельно с исключением из ВЛКСМ шел процесс восстановления в рядах организации бывших комсомольцев в связи с неподтвержденными фактами их контрреволюционной деятельности или за положительную работу в прошлом, но при этом всем им выносился строгий выговор, который должен был наглядно демонстрировать усердие, проявляемое местными комитетами в вопросе чистки рядов КСМ. Однако в реальности работа окружных комиссий по рассмотрению апелляционных заявлений исключенных шла крайне медленно. Согласно докладной записке Уссурийского ОК ВЛКСМ за 1937 г. из 72 заявлений о пересмотре решений за предыдущий год и первый квартал текущего комиссией приема и исключения было изучено только 21. Решения по отношению к 9 из них были положительными – исключенных восстановили в ВЛКСМ. Судьба остальных не изменилась: они были выведены из состава молодежной организации за связь с врагами (6 чел.), за отрыв от комсомольской работы (2 чел.), за бытовое разложение (1 чел.), за неявку на разбор дела (3 чел.). Из подготовленных к рассмотрению 26 заявлений 12 шли с мотивировкой «Связь с врагами», 3 – «Контрреволюционная пропаганда» и «Притупление классовой бдительности», 3 – «Сокрытие социального положения». Оставшиеся 9 заявлений оспаривали обвинения в бытовом разложении и плохую работу в организации и на производстве [15].

Анализ процесса пересмотра дел по апелляционным заявлениям показывает, что проверка зачастую не подтверждала факты, которые служили причиной для исключения комсомольцев из ВЛКСМ, что свидетельствует об огульном характере обвинений в стремлении показать успешное выполнение задачи.

Пик чистки дальневосточных комсомольских организаций, так же как и по стране в целом, пришелся на 1937 и 1938 годы. Широкое обсуждение в январе 1937 г. телеграммы секретаря ЦК ВЛКСМ А.В. Косарева о подрывной работе ряда членов Азово-Черноморской партийной и комсомольской организаций в очередной раз нацелило дальневосточные ячейки КСМ на подъем революционной бдительности молодежи края [16].

Уже в феврале в связи со вскрытыми фактами «засоренности в отдельных звеньях Хабаровской областной организации комсомола и притупления революционной бдительности в работе горкомов и райкомов комсомола» Хабаровское бюро обкома ВЛКСМ постановило обсуждать все сообщаемые комсомольцами и молодежью сведения о врагах партии и народа, развернуть широкую критику и самокритику всех недостатков и серьезных ошибок в работе областной организации комсомола, «решительно и беспощадно вскрывать и разоблачать в своих рядах врагов партии и народа, прикрывающихся комсомольским билетом, а также их пособников и примиренцев к ним – всех тех, кто потерял революционную бдительность» с целью воспитания в каждом комсомольце высоких качеств революционера-большевика [17].

Для усиления этой работы в среде молодежи использовались различные программы повышения политического образования. В учебные планы курсов, разработанных для семинаров секретарей первичных организаций ВЛКСМ, входило обязательное изучение таких тем, как «Путь троцкистской контрреволюционной банды от политического течения в рядах рабочего класса до шпионо-террористической группы японо-германского фашизма» и «Путь правых реставраторов капитализма Бухарина – Рыкова», лекции по Конституции, программе и уставу ВЛКСМ, международному положению [18].

На III пленуме ЦК ВЛКСМ (май 1937 г.) прошло обсуждение выступления А.М. Косарева «Подготовка комсомольских организаций к выборам в советы по новой избирательной системе и недостатки политико-воспитательной работы в комсомоле». В резолюции по этому докладу был сделан акцент на необходимости усиления политической активности молодежи, более активного

вовлечения ее в политическую жизнь страны, а также мобилизации комсомольцев на контрреволюционную борьбу с врагами партии [19].

Повсеместное искусственное нагнетание ситуации с поиском врагов стало характерной тенденцией этого времени. Весной органами НКВД была раскрыта «крупнейшая право-троцкистская шпионская организация на Дальнем Востоке во главе с председателем крайисполкома Крутовым, Шмидтом и другими» [20, с. 306], а в газете «Тихоокеанская Звезда» сообщалось о снятии первого и второго секретарей Приморского ОК ВЛКСМ, секретаря Артемовского ГК комсомола и о попытке комсомольцев, имевших связи с врагами народа, войти в состав Хабаровского РК. Таким образом, при помощи органов периодической печати отдельные факты надуманного вредительства объявлялись всеобщей напастью.

В постановлении бюро ЦК ВЛКСМ «О работе комсомольских организаций по ликвидации последствий вредительства» от 15 июня 1937 г. было обращено внимание на неопытность молодежи в деле политической борьбы с врагами [21, с. 77]. На комсомол возлагалась задача в рамках политико-воспитательного направления деятельности показать, как должна быть построена работа по их выявлению.

1 августа 1937 г. на заседании бюро ДКК ВЛКСМ был заслушан доклад редактора газеты «Тихоокеанский комсомолец» Фейгина «О выкорчевывании врагов в комсомоле». В итоге в очередной раз была подчеркнута необходимость «повышения идейно-политического уровня всей работы и усиления революционной бдительности для искоренения врагов в комсомоле и ликвидации последствий их вредительской деятельности» [22].

Симптоматично, что и автора доклада постигла участь «пособника врагов». Протоколом от 20 августа 1937 г. бюро ДКК ВЛКСМ постановило «Фейгина, не заслужившего доверия, за пособничество врагам народа, за политическую ошибочную линию в руководстве газетой, не разоблачившего врагов и вредную линию Чернявского, за потерю классовой бдительности с работы снять (...), из состава членов бюро крайкома ВЛКСМ исключить» [23].

Тогда же за связь с врагами народа был уволен с должности и выведен из состава членов бюро крайкома ВЛКСМ заведующий отделом крестьянской молодежи Оренбах.

Еще больший размах исключение из рядов комсомола «ввиду оппортунистических выступлений» и в связи с пособничеством врагам народа приобрело среди рядовых комсомольцев, о чем свидетельствуют многочисленные материалы Хабаровского ОК ВЛКСМ [24].

Итог летней чистки молодежных организаций подвел V пленум ДКК ВЛКСМ (27–29 августа 1937 г.). В постановлении «О положении дел в Далькрайкоме ВЛКСМ» было отмечено, что «вся работа бюро краевого комитета комсомола под руководством Чернявского была направлена на дальнейший развал организации ДВК, на сохранение в руководстве прямых врагов народа и их пособников; газета «Тихоокеанский комсомолец» на протяжении последних 5 лет занимала явно ошибочную, вредную линию, умалчивая о крупнейших недостатках в работе организаций и покрывая явно враждебную деятельность руководства крайкома». Было решено провести проверку членов бюро ДКК ВЛКСМ. Результатом принятого решения стал роспуск бюро ДКК ВЛКСМ, снятие Чернявского с поста секретаря за связь с врагами народа – «японо-германскими шпионами Листовским, Демчуком, Пригариним, Соколовым, Шишкиным» [25]. Первым секретарем ДКК ВЛКСМ был назначен Р.П. Аман, которого спустя лишь полгода также исключили из рядов партии и комсомола, а в сентябре 1938 г. арестовали и приговорили к расстрелу [26].

В большинстве случаев дело не ограничивалось одним лишь исключением из комсомола, применялись и более суровые меры наказания. Чистка комсомольских организаций совпала с пиком репрессий, обрушившихся в целом на все население страны. После утверждения 3 июля 1937 г. Политбюро ВКП (б) директивы «Об антисоветских элементах» НКВД СССР разработал приказ № 00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов». Согласно ему по ДВК 6 тыс. человек подлежали репрессиям. Операцию следовало начать 5 августа и провести в четырехмесячный срок. Уже к 30 сентября было арестовано 5 180 человек, из которых 1 768 было осуждено [27, с. 330–331, 333–334, 371].

31 января 1938 г. вышло новое постановление ЦК ВКП (б) «Об утверждении дополнительных лимитов на репрессии» согласно тому же приказу № 00447. По ДВК были определены следующие цифры: 8 тыс. чел. по первой категории (расстрел) и 2 тыс. чел. – по второй (лагеря ГУЛАГА). Операцию надлежало провести не позднее 1 апреля 1938 г. [28, с. 34–35]. Через полгода, 1 августа, эти цифры были увеличены еще в 2 раза. Лимит для репрессированных контрреволюционных элементов по первой категории достиг 15 тыс. чел., по второй – 5 тыс. чел. [29, с. 178].

В 1938 г. в первом номере журнала «Юный коммунист» была опубликована статья А.В. Косарева, посвященная задачам, стоящим перед комсомолом. В очередной раз прозвучали слова о необходимости усиления борьбы по разоблачению и разгрому «пробравшихся в организацию

троцкистско-бухаринских шпионов и диверсантов», которая должна стать ежедневной святой обязанностью каждого советского гражданина [30, с. 82].

Параллельно с очищением комсомольских организаций от врагов народа шел и обратный процесс разбора дел исключенных комсомольцев. ДКК ВЛКСМ еще в начале 1938 г. указал на «ряд ошибок, выражающихся в нечутком и невнимательном подходе к разбору дел исключенных и апеллирующих комсомольцев», когда без достаточного расследования, огульно штамповались решения райкомов об исключении молодых людей из ВЛКСМ. При этом отмечалась медлительность в разборе апелляций. Так, в Хабаровском обкоме хранилось 32 неразобранных дела, в центральном райкоме Хабаровска – 100, обкоме ЕАО – 13, многие из которых датировались началом 1937 г. [31].

III пленум ДКК ВЛКСМ (19–21 июля 1938 г.) обратил внимание на ошибки, допущенные комсомольскими организациями. В соответствии с указаниями ЦК ВЛКСМ ставилась задача всемерного повышения большевистской бдительности, которая, «как учит нас коммунистическая партия, состоит в том, чтобы уметь разоблачать врагов, как бы они не маскировались ...», а не в том, чтобы без разбора в целях гнилой перестраховки исключать сотнями комсомольцев из рядов ВЛКСМ» [32].

Согласно материалам пленума за 1937 г. и первый квартал 1938 г. по краю 3 417 человек были лишены статуса члена ВЛКСМ, а апелляции поступили только от ста из них. Было отмечено, что судьба более 2 тысяч бывших комсомольцев неизвестна. В соответствии с данными по Приморской области за указанное время было исключено 622 человека, а разобрано лишь 450 апелляций. В условиях дальнейшего нагнетания обстановки пленумом были отмечены «факты огульного и поверхностного разбора апелляций, что давало возможность под личиной и маской неправильно исключенного из комсомола опять пролезать в ряды комсомола врагам народа и их пособникам» (Фрунзенский РК Владивостокский ГК Приморской области). Выход из положения членам пленума виделся в тщательном подборе и проверке руководящих комсомольских работников [33].

В ходе проверок ДКК ВЛКСМ нередко выявлялось бездействие или напротив – подрывная работа секретарей и их заместителей, которые и приводили организации КСМ к развалу. Наличие в их рядах «чуждых вражеских элементов», бытовое и моральное разложение, отсутствие работы по приему в комсомол и политико-просветительскому направлению становились результатами такого руководства [34].

С 1 января по 1 июля 1938 г. по краю членство в комсомольской организации было восстановлено для 14 680 человек, в том числе для колхозной молодежи в количестве 1 872 человек [35]. При разборе апелляций вскрывались необоснованные доводы для исключения из комсомола. Так, некто Шадрина была исключена из комсомола собранием за то, что ранее ее муж был лишен статуса члена ВЛКСМ. Поводом для этого послужил ее отказ развестись с супругом. В другом случае Ким Дин Дю был исключен из рядов комсомольской организации с формулировкой «за физические заделки» без каких-либо объяснений, что это такое. Частым явлением было принятие решений без соответствующей проверки имеющихся сведений и с весьма сомнительными мотивировками. Так, комсомолка Мацерова была исключена из ВЛКСМ как дочь врага народа, в то время как ее отец-колхозник никогда не арестовывался. Елизаров был исключен за отказ от работы «ввиду болезни». Комсомольцы пограничных районов нередко объявлялись шпионами, как это было с Потехиной в Посъетском районе [36].

Однако, несмотря на процесс восстановления в членстве исключенных и относительный прирост численности дальневосточной комсомольской организации, требования революционной бдительности сохраняли свое значение. Бюро Хабаровского ОК ВЛКСМ в апреле 1938 г. отмечало, что «фашизм и его троцкистско-бухаринские агенты бешено готовят контрреволюционную войну против СССР», а потому следовало продолжать политико-просветительскую работу, идеологически закаляя молодежь путем проведения бесед на темы «Международный пролетариат в борьбе за единый фронт против фашизма и войны в защиту СССР под руководством Коминтерна», «Всемирное историческое значение победы социализма в СССР», «Сталинская Конституция победившего социализма и задачи молодежи в подготовке к выборам в Верховный Совет СССР», «Борьба китайского народа против японских фашистских оккупантов», «СССР в борьбе за мир», «Фашизм – злейший враг народов всего мира» [37].

Если в начале кампании «чистки» комсомола удар пришелся на рядовых комсомольцев, то с 1938 г. акцент был смещен уже на руководство молодежных организаций. Знаковым событием стал VII пленум ЦК ВЛКСМ (ноябрь 1938 г.), на котором в присутствии членов Политбюро ЦК ВКП (б) было принято решение о снятии А.В. Косарева с поста генерального секретаря ЦК ВЛКСМ, а позже произведен его арест. Будучи проводником решений партии среди молодежи, в том числе и в вопросе чисток, А.В. Косарев сам стал жертвой этой политики.

Подводя итог сказанному, следует отметить, что на протяжении второй половины 1930-х гг. советским руководством целенаправленно использовались все средства и возможности для нагнетания обстановки классовой борьбы и создания ажиотажа в вопросе поиска врагов народа. Показательные процессы проводились во всех структурах советского общества. ВЛКСМ, будучи средством партийного контроля над молодежью, не мог остаться в стороне.

Дальневосточные комсомольские организации, деятельность которых протекала в общегосударственном русле, стали проводниками идей выявления «антисоветских элементов» и их пособников в крае. При таких обстоятельствах вполне логичной становилась отведенная ВЛКСМ роль репрессивного механизма, направленного на молодежь, в том числе комсомольскую, в условиях «большого террора». Характерными тенденциями в деятельности дальневосточных комсомольских организаций стали перегибы в процессе «чистки» их собственных рядов, выразившиеся в массовом исключении членов под предлогом сомнительных причин, что подтверждал впоследствии пересмотр дел по апелляционным заявлениям, а также выдвинутые обвинения по отношению к руководителям районных и областных комсомольских комитетов вплоть до краевого уровня. Тем не менее призывы «беспощадно громить и уничтожать врагов народа и их агента в рядах комсомола» продолжали оставаться актуальными в деятельности комсомола вплоть до конца 1930-х гг.

Список источников:

1. Ивницкий Н.А. Коллективизация и раскулачивание. М., 1994. 272 с.; Самосудов В.М. Насильственная коллективизация и противодействие крестьянства сталинскому термидору. Омск, 1991. 68 с.; Стецовский Ю.И. История советских репрессий: в 2 т. М., 1997. Т. 1. 600 с.; Т. 2. 433 с.; Хлевнюк О.В. 1937-й: Сталин, НКВД и советское общество. М., 1992. 272 с.; Его же. Политбюро. Механизмы политической власти в 1930-е гг. М., 1996. 304 с.; Conquest R. The Great Terror: A Reassessment. N.Y., 1990. 581 p.; Werth N. Un État Contre Son Peuple. Violences, Répressions, Terreurs en URSS de 1917 à 1953 // Le Livre Noir du Communisme. P., 1998. P. 45–313; Werth N., Berelowitch A. L'État Soviétique Contre Les Paysans: Rapport Secrets de la Police Politique (Tcheka, GPU, NKVD) 1918–1939. P., 2011. 793 p.
2. Андриец У.М. Дальневосточный комсомол как объект и субъект политического контроля в 1930-е гг. // Приволжский научный вестник. 2016. № 12-1 (64). С. 74–79; Исаев В.И. «Выявить и уничтожить»: сибирские комсомольцы в поисках «врагов народа» // ЭКО. 2010. № 3 (429). С. 158–171; Криворученко В.К. Молодежь, комсомол, общество 30-х гг. XX столетия: к проблеме репрессий в молодежной среде. М., 2011. 166 с.; Матюшин П.Н. Репрессии в организациях ВЛКСМ в 1937–1938 годах (на материалах Чувашской АССР) // Вестник Чувашского университета. 2009. № 1. С. 70–74; Слезин А.А. Комсомольский трагифарс под аплодисменты Сталину // Вестник Тамбовского государственного технического университета. 2006. Т. 12, № 2. С. 520–530; Якимов К.А. Трансформация общественного сознания советской молодежи в условиях массовых политических репрессий 1937–1938 гг. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2020. Т. 25, № 188. С. 203–210. <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2020-25-188-203-210>.
3. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. М-1. Оп. 2. Д. 67. Л. 34, 36; Д. 68. Л. 20.
4. РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 2. Д. 125. Л. 10; Д. 1105. Л. 58.
5. РГАСПИ. Ф. 73. Оп. 1. Д. 133. Л. 68–73.
6. РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 23. Д. 1105. Л. 71–72.
7. Там же. Л. 68–69.
8. Криворученко В.К. Указ. соч. С. 61, 63.
9. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. П-618. Оп. 1. Д. 307. Л. 1, 6, 10, 33.
10. Там же. Л. 7, 16.
11. Там же. Л. 4, 6, 10, 12, 17.
12. Там же. Л. 20.
13. Там же. Л. 23, 28, 30, 48.
14. РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 23. Д. 1105. Л. 75.
15. ГАХК. Ф. П-618. Оп. 1. Д. 307. Л. 192–194.
16. ГАХК. 1. Ф. 967. Оп. 1. Д. 8. Л. 13.
17. Там же. Л. 40, 41.
18. Там же. Л. 73.
19. РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 2. Д. 125. Л. 10.
20. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы. В 5 т. М., 2004. Т. 5: 1937–1939. Кн. 1: 1937 г. 645 с.
21. Криворученко В.К. Указ. соч. С. 77.
22. ГАХК. Ф. П-618. Оп. 1. Д. 312. Л. 181.
23. Там же. Л. 189–190.
24. Там же. Ф. 967. Оп. 1. Д. 8а. Л. 4, 8, 9, 17, 23–25, 28, 38–40, 43, 44.
25. Там же. Ф. П-618. Д. 310. Л. 216, 217–218; Д. 311. Л. 16.
26. ГАХК. Ф. П-35. Оп. 78. Д. 3. Л. 1–15.
27. Трагедия советской деревни ... С. 330–331, 333–334, 371.
28. Там же. М., 2006. Т. 5: 1937–1939. Кн. 2: 1938–1939 гг. 701 с.
29. Там же. С. 178.
30. Криворученко В.К. Указ. соч. С. 82.
31. ГАХК. Ф. П-618. Оп. 1. Д. 322. Л. 30.
32. Там же. Л. 207.
33. Там же. Л. 208–209, 212.
34. Там же. Д. 324. Л. 21, 23–24, 32–34, 114.
35. Там же. Д. 319. Л. 24.
36. Там же. Л. 32–33.

37. Там же. Д. 314. Л. 187–189.

Информация об авторе

Е.А. Астанина – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры отечественной и всеобщей истории, Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск, Россия.

Information about the author

E.A. Astanina – PhD in History, Associate Professor, Department of National and Universal History, Pacific National University, Khabarovsk, Russia.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 22.04.2021;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 29.04.2021;
Принята к публикации / Accepted for publication 13.05.2021.